

На весеннем солнышке греется пёс Полкан.



Морду положил на лапы, пошевеливает ушами — отгоняет мух.

Дремлет пёс Полкан, зато ночью, когда на цепь посадят, — не до сна.

Ночь темна, и кажется всё — крадётся кто-то вдоль забора.



Кинешься, твякнешь, — нет никого. Или хвостом по земле застучает, по-собачьи; нет никого, а стучает...

Ну, с тоски и завоеешь, и подтянет вон там, за амбаром, зальётся чей-то тонкий голос.

Или над поветью глазом подмигивать начнёт, глаз круглый и жёлтый.

А потом запахнёт под носом волчьей шерстью. Пятишься в будку, рычишь.

А уж жулики — всегда за воротами стоят, всю ночь. Жулика не страшно, а досадно — зачем стоит.

Чего-чего не перевидишь ночью-то... охо, хо... Пёс долго и сладко зевнул и по пути щёлкнул муху.

Поспать бы. Закрыл глаза, и представилась псу светлая ночь.

Над воротами стоит круглый месяц — лапой достать можно. Страшно. Ворота жёлтые.



И вдруг из подворотни высунулись три волчьих головы, облизнулись и спрятались.

«Беда», — думает пёс, хочет завывать и не может.

Потом три головы над воротами поднялись, облизнулись и спрятались.

«Пропаду», — думает пёс.

Медленно отворились ворота, и вошли три жулика с волчьими головами.

Прошлись кругом по двору и начали всё воровать.

— Украдём телегу, — сказали жулики, схватили, украли.

— И колодец украдём, — схватили, и пропал и журавль и колодец.

А пёс ни твякнуть, ни бежать не может.

— Ну, — говорят жулики, — теперь самое главное!

«Что самое главное?» — подумал пёс и в тоске упал на землю.

— Вон он, вон он, — зашептали жулики.

Крадутся жулики ко псу, приседают, в глаза глядят.



Со всею силою собрался пёс и помчался вдоль забора, кругом по двору.

Два жулика за ним, а третий забежал, присел и рот разинул. Пёс с налёта в зубастую пасть и махнул.

— Уф, аф, тяф, тяф...

Проснулся пёс... на боку лежит и часто, часто перебирает ногами.

Вскочил, залаял, побежал к телеге, понюхал, к колодцу подбежал, понюхал — всё на месте.



И со стыда поджал пёс Полкан хвост да боком в конуру и полез.
Рычал.